

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (470)

*Нечаев В.В.*¹

**ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ОДНОДВОРЦЕВ И ИХ ПОТОМКОВ
С ГОСУДАРСТВОМ В КОЗЛОВСКОМ УЕЗДЕ
В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ**

независимый исследователь, г. Владивосток

Nechaev V.V.

**LAND RELATIONS OF ODNODVORTCY AND THEIR DESCENDANTS
WITH THE STATE IN KOZLOVSKIY COUNTY
IN THE 18TH - BEGINNING OF THE 19TH CENTURIES**

independent researcher, Vladivostok

Реферат: *Исследуется состояние аграрного сектора Тамбовской губернии, взаимосвязь землевладения и службы однодворцев в ландмилиции. Рассматриваются изменения в социальном и экономическом положении однодворцев и их потомков в результате проведения киселевской и столыпинской реформ, переселение населения Козловского уезда в другие губернии, а так же адаптация переселенцев в Сибири на примере переселенцев Нечаевых.*

Ключевые слова: *однодворцы, землевладение, киселевская и столыпинская реформы, переселение крестьян.*

Abstract: *The topic of this work is the state of the agrarian sector of the Tambov province after the reign of Peter the Great, the relationship between land tenure and the service of odnodvortcy in the land militia. The article examines the changes in the social and economic status of odnodvortcy and their descendants as a result of the Kiselev and Stolypin reforms, the migration of the population of the Kozlovsky county to other provinces, as well as the adaptation of migrants in Siberia by the example of the Nechaevs.*

Key words: *odnodvortcy, land tenure, Kiselev and Stolypin reforms, migration of peasants.*

¹ **Нечаев Владимир Васильевич** - старший советник юстиции, прокурор в отставке; E-mail: nechaevvasilich@mail.ru

Поземельные отношения одnodворцев с государством после Петра Великого до их упразднения в отличие от дворянских имели сложный, запутанный характер. До революции они исследовались Н.А. Благовещенским [1], В.И. Семевским [8] и др. В современной исторической науке данной теме посвящены работы многих историков, в т. ч. Е.Ю. Ивановой-Малофеевой [5], В.В. Канищева [6], С.К. Кочукова [7], И.В. Токарева [9], В.В. Владимирова [3]. Опираясь на работы указанных ученых, предпримем попытку реконструировать поземельные отношения сельского населения Козловского уезда Тамбовской губернии. В исследовании используем материалы в отношении потомков козловских полковых казаков.

Как известно, Петр Великий одnodворцев и прочих служилых людей прежних служб (в дальнейшем также одnodворцы) в качестве опоры престола не признал, пришел к идее их упразднения. Начатый им процесс ликвидации был прерван обострением взаимоотношений с Турцией, когда возникла необходимость привлечения одnodворцев к охране рубежей в полках ландмилиции. Тем не менее, рожденная в его правление идея «окрестьянивания» одnodворцев сохранялась. Обусловленная авторитетом Петра для

большинства последующих монархов, она стала шаблоном и настойчиво выдерживалась во внутренней политике. В конечном итоге одnodворческое сословие было упразднено, а потомки одnodворцев переведены в сельские и городские обыватели. В ходе постепенной ликвидации одnodворцев преемникам Петра предстояло лишить их остатков прав поместного землевладения. Эта задача была решена путем принятия дискриминационных законов и правил. Процесс «окрестьянивания» растянулся на полтора века. Рассмотрим это явление на примере потомков козловских служилых людей Тамбовской губернии.

Одnodворческое землевладение, как и дворянское, изначально носило поместный характер и регулировалось нормами поместного права. Земли, на которых жили и работали, одnodворцы считали своей собственностью. В 1714 г. Петр Великий правовой статус поместных и вотчинных земель уравниал. Под этот закон попали и одnodворцы, которые стали продавать земли представителям разных городов и сословий. Обеспокоенное их обеднением, следовательно утратой способности содержать ландмилицию, правительство в 1727 г. совершенные сделки узаконило. Но продажу одnodворческих земель для устранения «поме-

шательства в содержании ландмилиции» запретило [20, с. 835-836].

При императрице Елизавете родилась догма, согласно которой одnodворцам и прочим служилым людям южных городов, поместья предоставлялись государством на время несения службы без права собственности. Однако воплотить в жизнь эту идею правительство не решилось. Нерешительность была связана с ландмилицией, которая комплектовалась одnodворцами городов Юга. Для ее содержания правительство вынуждено было сохранять в поземельных отношениях элементы поместного характера и в XVIII в. Лишение одnodворцев поместных прав могло вызвать не желательные последствия и в конечном итоге ее ослабить.

Лишение одnodворцев дворянских прав на выслуженные предками поместные земли было закреплено императрицей Екатериной II в Межевой инструкции 1766 г. По указанному акту находящиеся в их владении земли поместного происхождения признавались казенными. Были отмежеваны не на лица и души, а всем жителям на всякое селение особо. Среди поместных выделялись земли, с «коих они (одnodворцы - В.Н.) в подушный оклад положены и с которых ландмилицию содержат», и поместные «отхожие», находящие-

ся за пределами места проживания. Первые разрешалось сдавать в аренду на год, но иного рода сделки и передачи другим лицам запрещались. Вторые могли быть проданы только одnodворцам. Помимо этих земель во владении одnodворцев находились: «порозшие» - захваченные «без дач» из государственных земель; собственные - купленные и полученные предками в вотчину. Последние были оставлены в собственности владельцев, но без права продажи посторонним [21, с. 767, 768]. Как видим, одnodворцы прав собственности на полученные предками за службу земли были фактически лишены. В силу разрозненности против ущемления своих гражданских прав открыто не выступали. Встали на путь правового нигилизма: запрет на отчуждение земель постоянно нарушали, что породило множество жалоб, поземельных тяжб. Например, одnodворцы Козлова, распродав много земель, жаловались в наказе в Уложенную комиссию, что помещики, воеводы и приказные люди, переводили в их поселения крестьян. Используя различного рода ухищрения, приобретали одnodворческие земли и купцы. Иногородние вырубали Большой Воронежский и Хоботецкий леса. Аналогичная ситуация имела место и в других уездах.

Известные историки Н.А. Благовещенский, В.И. Семевский панацеею однодворцев от всех бед видели в однодворческой общине, хотя и со своими особенностями. Последний даже писал, что преимущества их общинного землевладения начало сознавать при Екатерине II и правительство [8, с. 736]. Однако мотивация была разной. Однодворцы в общинном устройстве видели защиту. Правительство – продолжение петровского курса по оттеснению их в крестьянство. Через общину легче было управлять, взимать налоги, привлекать к исполнению повинностей и т.д. С точки зрения идеологии действия правительства были направлены на закрепление в сознании однодворцев необходимости подчинения их экономического положения нуждам ландмилиции, «выветривание» памяти о дворянском происхождении их землевладений.

По результатам генерального межевания при Екатерине II в Тамбовской губернии в среднем приходилось на душу земли по 15 десятин, в том числе пахотной - 6,2, сенокосной - 5,3, леса - 2,4 десятины. По среднедушевым наделам губерния стояла среди других в регионе на втором месте. Тем не менее, на горизонте уже маячил недостаток земель. Тамбовские однодворцы просили правительство передать им остатки

диких, «порозжих» земель, а козловские - дополнительно и о высылке в города занимавшихся среди них хлебопашеством и прочей хозяйственной деятельностью купцов [8, с. 744-745, 747].

После упразднения ландмилиции земельный протекционизм в отношении однодворцев уже не осуществлялся. Дворянство на их земли повело активное наступление. В судах, особенно в царствование императора Павла, скопилось множество тяжб, которые рассматривались годами. Разрешение кризиса в аграрном секторе император поручил кн. А.Б. Куракину. Последний в сентябре 1798 г. предоставил императору и в Сенат доклад. В докладе сановник неверно изложил происхождение однодворцев и их землевладений. Игнорировал законы императрицы Анны Иоанновны о возвращении их в прежнее служилое состояние. Полученные в старину предками однодворцев земли в докладе указал не поместьями, а «участками». Принцип наделения по размерам поместных окладов и дач предложил упразднить, а взамен наделить однодворцев землями по крестьянскому типу: по 15 десятин на мужскую душу, а оставшихся без земель переселить в другие губернии. Все споры о захвате однодворческих земель по докладу подлежали прекращению.

Однودворцев А.Б. Куракин определил как «знатнейшую половину казенных поселян» [22, с. 389-393]. Резолюцией на докладе: «Быть по сему», император Павел не только узаконил присвоение дворянами многих земельных угодий однودворцев, но и подписал приговор себе. Несмотря на щедрые раздачи земель и крестьян дворянскому окружению, был убит заговорщиками из среды тех же крупных помещиков. Хотя по примеру императрицы Анны Иоанновны из однودворцев мог создать себе опору. Заложенная в докладе и указе норма обеспечения однودворцев землями осталась не исполненной.

В последующие века проблема обеспечения потомков служилых людей бывших приграничных уездов землями стала для правительства головной болью, вплоть до того, что в их поземельные отношения приходилось вмешиваться и верховным властям. Так, император Александр I в августе 1804 г. сделал замечание козловским уездным чиновникам за волокиту при рассмотрении земельного иска однودворцев сел Ерки и Козинки к соседним помещикам. Понудил их принять решение. В мае 1807 г. Сенат вынужден был вмешаться в дело о земельной тяжбе однودворцев поселений Богданы и Махровки, а в 1820 г. по иску одно-

дворцев сел Новокленское, Ковердяки давал разъяснение о порядке применения уездными судами законов при рассмотрении земельных споров [23]. Перечень аналогичных примеров может быть продолжен.

По состоянию на 1782 г. однودворцев и служилых людей старых служб в Российской империи насчитывалось 774 тыс. душ мужского пола [8, с. 729). К началу войны 1812 г. численность увеличилась. Война истощила экономические и людские ресурсы государства. В поисках выхода из кризиса император Николай I поддержал рожденную в его окружении идею улучшения экономического положения страны через подъем государственной деревни, где в сравнении с довоенным уровнем экономическое положение не закрепощенных крестьян и однودворцев заметно ухудшилось. Основными причинами обеднения являлись государственные повинности, бурный рост численности крестьянского и однودворческого населения, дробление на этой почве землевладений, их утрата. Проведение реформы царь поручил деятельному администратору генералу П.Д. Киселеву. С целью ознакомления с положением дел на местах генерал в августе 1838 г. посетил ряд губерний. В Тамбовской побывал в Лысых Горах, Челнавских Дворицах, Дмитриевке, Заворонеж-

ской слободе, Козлове, Терновских Выселках, Хоботе, Новоспасском, Черемушках [5, с. 41]. Результаты личных наблюдений доложил Николаю I. По мнению генерала для улучшения положения в аграрном секторе требовалось реформировать систему управления, увеличить земельные наделы малоземельным, улучшить агротехнику, повысить в деревне уровень грамотности, медицинского обслуживания и пр. Проблему малоземелья предполагалось решить путем отселения на свободные государственные земли. Кроме того, в ходе реформ через слияние с государственным крестьянством преследовалась цель лишить однодворцев признаков обособленности.

По исследованиям Е. Ю. Ивановой-Малофеевой накануне киселевских реформ (1837-41 гг.) однодворцы в Тамбовской губернии представляли большинство - 232 320 душ мужского пола. Правительство учитывало их отдельно, но уже в составе «казенных поселян», хотя однодворцы продолжали сохранять доставшиеся от предков самобытность, право собственности на землю, имели в губернии 1060 душ крестьян. Как уже указывалось, в основе их поземельных отношений с государством лежали исторически сложившиеся принципы четвертного и общинного права. В первом случае

владели четвертными землями, во втором - общинными с периодическими переделами. Часто обе формы комбинировались. В зависимости от форм землевладельцы подразделялись на четвертных, полудушевых и душевых. Первые владели землями, полученными предками по крепостям и прочим документам по дележу или дарованными царем за службу. Полудушевые – бывшие четвертные, которые, оставив в наследственном семейном владении основные угодья, остальные соединяли с общими и делили поровну соответственно числу душ. Третьи владели землями по общинным правилам с переделами от одной ревизии к другой [5, с.12]. Решением Государственного Совета от 29 апреля 1831 г. земли, полученные предками под поселение и за службу до 1724 г., передавались по наследству. Подлежали продаже только лицам своего сословия. Не могли использоваться в качестве залога, а при выбытии оставалась в общине, которая за выбывших несла повинности. Средний размер надела на ревизскую душу в Тамбовской губернии варьировал в рамках от 3 до 6 десятин [5, с. 19-20].

Сельское население Тамбовской губернии с учетом качества земель облагалось налогами по повышенным ставкам. Помимо государствен-

ных платило разного рода сборы в пользу мира и земств. Полнота взысканий обеспечивалась круговой порукой [8, с. 730]. Для представления тяжести фискальной нагрузки Е.Ю. Иванова-Малофеева исследовала доход с душевого надела в пять десятин. По ее подсчетам из 75 руб. возможного дохода 19% у владельца уходило на уплату налогов. Остальное оставалось на жизнь с минимальными потребностями. Помимо налогов на однодворцах лежали обязанности поддержания в порядке дорог и мостов, сопровождения арестованных, предоставление транспорта командированным чиновникам и пр. По мнению ученой общим признаком казенных крестьян, в том числе потомков однодворцев, являлось обеднение [5, с. 30, 32- 34], которое некоторые историки объясняли отсутствием у тамбовских однодворцев стремления к повышению уровня жизни. Хотя, в губернии доля неоседлых, батраков, нищенствующих семей составляла всего 1,4% от сельского населения, то есть, меньше чем в соседних губерниях. Данное явление историки объясняют по-разному. По нашему мнению причины данного феномена следует искать в исторически сложившемся образе жизни, когда преобладающее значение имела служба. Стяжательство служилыми людьми пригра-

ничных уездов в XVII в. да и позднее воспринималось негативно: достаточно вспомнить погромы в 1648 г. в Козлове лавок и дворов зажиточных сослуживцев. В определенной мере это сохранилось у потомков и даже нашло проявление в религиозных ересьях. Хотя однодворцы к бедности, отнюдь, не стремились и для поддержания традиционного жизненного уклада получали дополнительный заработок и на стороне.

Реформирование государственной деревни правительство начало с изменений в системе управления. Для управления государственными крестьянами по инициативе П.Д. Киселева были созданы: министерство государственных имуществ; в губерниях одноименные губернские палаты, а также окружные, волостные, сельские управления и прочие учреждения. Палаты являлись центрами управления хозяйственной, правовой и культурной жизни государственных крестьян. В компетенцию перечисленных учреждений входили: защита поселян, контроль за исполнением повинностей, наблюдение за сельским благоустройством и пр. Непосредственными руководителями и опекунами однодворцев являлись окружные начальники. В поселениях значительная роль принадлежала сходам жителей. Они имели право: избирать

свои органы самоуправления; выдавать отдельным семьям разрешения на переселение в другие местности; распределять между членами общества общественные земли; наделять своих представителей правами исполнения поручений; выносить наказания за незначительные проступки и пр. Общества создавались в каждом большом поселении. Несколько обществ составляли волость, возглавляемую избираемым на три года волостным старшиной. В помощники старшине избирались сельские старосты, сборщики податей, сотские (стражи порядка). Вмешательство в дела сельского схода со стороны разного рода начальствующих лиц было ограничено. Выборные органы управления действовали в рамках указаний губернской палаты и окружного начальства [5, с. 65]. До реформы и после нее однодворцы учитывались отдельно, хотя и относились к казенным поселянам. В делопроизводстве Тамбовской губернии по исследованиям В.В. Канищева понятие «однодворцы» перестало употребляться со времени составления «Первичной ведомости Тамбовской казенной палаты 1858 г.». С этого года однодворцы стали учитываться в составе государственных крестьян [6, с. 313]. Наименование «государственными крестьянами» однодворцы

восприняли негативно. Подчеркивая однодворческое происхождение, до 1860 г. в дополнение к нему просили указывать в документах о социальном происхождении понятие «коренные жители». Например, в метрических книгах Георгиевской церкви отцом родившегося в 1859 г. младенца Евдокима указан «коренной житель» Кочетовской слободы государственный крестьянин Антон Яковлев Нечаев. Аналогичным образом записывались и иные кочетовцы.

В 1839 г. Николай I утвердил норму душевого надела для крестьян малоземельных губерний в размере 8 десятин на душу. В малоземельной, оскудевшей лесами Тамбовской губернии выдержать эту норму было не возможно. В 1840 гг. на ревизскую душу государственных поселян приходилось в среднем 6,3 – 6,4 десятины, а в начале 1850 гг. уже по 5,5 десятин [5, с. 86]. Современник киселевских реформ историк В.И. Чеславский указывал, что в 1870 гг. для уплаты налогов и сносного существования крестьянин должен был иметь земли около 4 десятин на душу. Такое количество и более имели государственные крестьяне и однодворцы. Остальные довольствовались наделами менее 3 десятин. Остатки резерва государственных земель были уже израсходованы. Попытка правительства

притушить проблему земельного дефицита за счет раздела земель, принадлежащих однодворцам на праве собственности, поддержки не встретила. Обедневшие вынуждены были средства существования добывать на стороне [13, с. 181-211]. Решение проблемы земельного голода правительство видело в переселении из малоземельных (менее 5 десятин на душу) поселений в богатые землями губернии. Помимо малоземелья к организации переселения однодворцев подталкивала и политическая ситуация в западной части Российской империи, где в среде польской шляхты наблюдались бунтарские настроения. Бунтарство могло найти отклик и в среде российских однодворцев [10].

Обладая высокой мобильностью, однодворцы на новые места начали переселяться рано. За 20 лет до начала киселевских реформ из Тамбовской губернии ушло примерно 20 тыс. душ [5, с.11]. Переселение осуществлялось как при государственной поддержке, так и самовольно. Сначала переселялись на свободные земли в той же Тамбовской либо соседних губерниях. Много переселилось в Усманскую округу. Отселялись группами либо семьями. Часто «забирали» с собой и название поселения по месту выхода. Примером может служить село Кочетовка То-

каревского района Тамбовской области. Вывод об основании села однодворцами из Кочетовской слободы Козловского уезда подтверждается фамилиями. За редким исключением в обеих Кочетовках они совпадали. Во время ревизии 1858 г. в токаревской Кочетовке Завражные подали 9, Пашигорева 8, Есиковы и Резановы по 6, Фроловы 4, Нечаевы 3 сказки. По несколько сказок подали и другие жители с «кочетовскими» фамилиями [24]. Некоторые переселенцы переселялись неоднократно. По сообщению П.С. Федосова в 1801 г. однодворцами на Кубани было основано село Расшиватское, в котором проживали и выходцы из Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии Нечаевы. Часть из них на новом месте прижилась. Однако, некоторые маловодным землям предпочли Сибирь, куда переселились в 1810 г. [12, с. 81-88]. Переселенческое движение в Тамбовской губернии охватило значительную часть жителей. Переселенцы осваивали земли малообжитых районов Урала, Сибири, Дальнего Востока [7, с. 94-118].

Интенсивность переселения рассмотрим на примере потомков полковых казаков Кочетовской и Заворонежской слобод Козловского уезда. В качестве переселенцев, выбывших в 1806 -1811 гг. из Кочетовской

слободы за пределы Тамбовской губернии, известны представители родов Моториных, Стенюхиных, Серковых, Сериковых, Болдыревых, Резановых, Кононовых, Замараевых, Сеченых, Немцовых, Саломахиных, Невежиных, Зыковых, Есковых, Нечаевых, Пешковых, Фроловых. В Заворонежской слободе переселенцы представляли семьи Миловановых, Заборовских, Хабаровых, Родюковых, Капцовых, Нечаевых, Фроловых, Нижегородцевых. Переселенцы осваивали земли в Саратовской, Оренбургской, Уфимской губерниях, на Северном Кавказе, Усманской округе других губерниях. Из некоторых родов той же Кочетовской слободы отселение производилось неоднократно. Так, из рода кочетовских Нечаевых выбыли в Усманскую округу с семьями: Никита Федотович в 1803 г., Лавер Иванович и Фелимон Васильевич в 1805 г. В 1832 г. Уфимскую губернию переселился с семейством Иван Яковлевич [19]. С 1838 по 1852 гг. из Тамбовской в многоземельные губернии переселились 8764 переселенца [5, с. 88]. Приведенные списки вследствие утраты являются не полными. По исследованиям группы тамбовских ученых (Канищев В. В., Лазарева В.В., Токарев Н.В.) в 1888 – 1891 гг. около половины тамбовских переселенцев вследствие бед-

ности в первое время по месту нового поселения батрачили, а около 3% возвратились назад [18, с. 81- 85.].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос землевладений выбывших. До принятия столыпинских законов переселившиеся в другие губернии, как правило, свои земельные наделы передавали родственникам. Выбывшие в город (в 1897 г. в городах России крестьян проживало 7 млн.), формально числясь в общинах, сдавали земли в аренду. При разрыве отношений с сельскими обществами земля поступала в общественный фонд и распределялась между оставшимися, а бывшие члены общины оставались без земли и денег [5, с. 20].

В ходе киселевских преобразований в поселениях однодворцев стали открываться больницы, школы, ветеринарные пункты. Однодворческим обществам стали передавать в пользование леса. Для того, чтобы имелась возможность пользоваться дешевыми кредитами, создавались сельские кредитные товарищества и сбербанки. Было введено страхование от пожаров. На случай неурожая создавались запасы зерна. В селах строились кирпичные заводы, что давало возможность постройки кирпичных домов либо фундаментов. В качестве примера можно привести Кочетовскую слободу, где

часть домов, построенных в ходе киселевских реформ, сохранились и до наших времен. Но реформы являлись в эволюционном развитии потомков однодворцев зигзагом. Их экономическое положение продолжало ухудшаться.

Рассмотрим это на примере того же Козловского уезда. По результатам X ревизии (1856 г.) в уезде числилось крестьян домохозяев 37 359 чел., из которых 1,5 % являлись безземельными, 24,6% безлошадными, а 13,6% не имели скота. Из общего числа крестьян домохозяев полными собственниками земель являлись 548 (0,5%) душ мужского пола. Надо полагать, что эта категория поселян в основном сохраняла за собой земли, доставшиеся от предков – однодворцев. В уезде появились крестьяне, не имеющие своего жилья [4].

Киселевская реформа в государственной деревне совпала с началом промышленного переворота, который отразился на положении в аграрном секторе. Уходы на заработки крестьян-отходников, молодых людей в города и на военную службу, переселение в другие губернии инициировали переделы земель, удорожание рабочей силы. К началу последней четверти XIX в. Козловский уезд оставался в губернии одним из самых высокооплачиваемых. Но заработная плата зависела от урожая.

Так, высокая стоимость рабочей силы отмечена после урожайного 1881 г. Крестьяне за обработку десятины земли требовали 20 руб., а поденную оплату до 3 руб.

Поскольку киселевское реформирование было осуществлено консервативным путем и дало положительные результаты, историки относят его к успешным. Однако, промышленный подъем требовал более глубоких преобразований. Перед столыпинскими реформами (с 1906 г.) Тамбовская губерния занимала в России одно из ведущих мест по производству зерна. Распахивалось буквально все: луга, выгоны, сводились леса, засыпались овраги. Но экономическое положение крестьянства ухудшалось, чему способствовал достаточно длительный период неурожайных лет в начале последней четверти XIX в. Малоземелье набирало обороты. Появилась занятость рабочих рук, чему способствовали исторически сложившаяся многодетность семей, что вело к наследственному дроблению земель. Невымышленный персонаж рассказа И. Бунина «Божье древо» - козловский однодворец Яков Демидыч Нечаев, называя причины обеднения, говорил: «У нас двор в старину знаменитый был. Да знамо дело - стали делиться, ну и изничтожились. Мне земли пришлось всего полторы

десятины» [2, с. 325-343].

Поземельные отношения в Кочетовской слободе в некоторой степени можно почерпнуть из статистического сборника Тамбовской епархии за 1911 г. Слобода была довольно большим селом – 702 двора с общей численностью 4832 жителя. Из полей общества известны Кочетовское и Третьяковское. К этому времени в уезде наблюдалось имущественное расслоение. Землевладения по размерам были разными. Так, к 1911 г. потомки полковых казаков Заворонежской слободы в числе 1902 душ мужского пола владели землями по полторы десятины в трех полях. В то же самое время в Кочетовской слободе на 2385 домохозяев в среднем приходилось в каждом поле только по половине десятины. Хотя, стартовые возможности их предков были одинаковыми. Те и другие в 1630 гг. наделялись землями в одинаковых размерах. В других поселениях наделы были еще меньше. В некоторых измерялись уже саженьями. Например, в селе Иловой Рождественское приходилось на душу по 8, Ново-Богоявленском по 11, в Красивом по 15 саженьей [17, с.163-154, 197-198].

Усилению социального напряжения способствовала чересполосица, которая на рубеже XIX – XX вв. получила в Тамбовской губернии по-

всеместное распространение. Затруднение доступа к своим земельным полосам, необходимость приспособления по срокам проведения полевых работ к соседним землевладельцам, вынуждали оставлять их без обработки. В таких случаях в обширных чересполосных полях иногда трудно было установить и владельцев. При недостатке земель часть земельных полос оставалась заброшенной либо спорной [15]. Распространенный характер в губернии носили незаконные захваты земель, для размежевания которых в поселениях казенных крестьян с начала 1836 г. приступил к работе Комитет по специальному межеванию. По мнению указанного учреждения предоставленные потомками однодворцев выписки из писцовых, отказных и прочих книг, названных, «хартиями, полусгнившими от времени, записанными крайне неразборчивым почерком», учету в качестве доказательств не подлежали (5, с. 23-24). Разрядку социального напряжения в Тамбовской и прочих малоземельных губерниях правительство, как и при проведении киевских реформ, видело в наращивании темпов переселения в Западную Сибирь, на Дальний Восток. По инициативе энергичного реформатора премьер-министра П.А. Столыпина к ранее действовавшим законам

были приняты дополнительные. Важнейшими из них являлся царский указ от 9 ноября 1906 г., которым владельцы этих земель признавались частными собственниками, даже, если они об этом не заявляли. Желая покинуть общину либо переселиться получили право отчуждать не только подворно - наследственные участки, но и полевые наделы из общинной земли. Например, в 1912 г. для козловских переселенцев наиболее предпочтительной оказалась продажа [9, с. 126]. Фактически указ был направлен на разрушение общины, что было принято населением не однозначно, поскольку нарушал интересы оставшихся в общине: приводил к потере ими плодородных и удобных земель, лугов и пастбищ. К тому же, среди вышедших была велика доля бедняков, которые получали земли в личную собственность с целью продажи. Поэтому, желающие выделиться встречали со стороны односельчан сопротивление. Для юридического закрепления права собственности необходимо было получить удостоверяющий приговор сельского схода, который должен был принять решение в месячный срок. В случаях отказа необходимые документы домохозяевам выдавали земские начальники. Указанные должностные лица в реализации за-

кона являлись важным звеном. Землеустроительные работы по обеспечению прав собственности на земли проводились в их присутствии с участием полицейских исправников и стражи. Безукоризненной репутацией в Козловском уезде среди начальников пользовался отставной подпоручик И.Ф. Нечаев.

На призывы правительства о выходе из общины в Тамбовской губернии откликнулось только 16 % владельцев наделной земли. Затруднения вызывало получение документов и на переселение. Увольнительные приговоры в отношении конкретных домохозяев также принимались на общинных сходах, где в настроении преобладали запретительные меры. Негативное отношение общин к переселению в совокупности с бюрократической волокитой подталкивали переселенцев на выезд без увольнительных приговоров и переселенческих свидетельств. В таких случаях документы истребовались администрацией по месту поселения [3]. По закону от 14 июня 1910 г. право переселенцев по распоряжению оставленным землями сохранялось 2 года с момента перечисления в место нового водворения [6].

Законом от 4 марта 1911 г. переселение было объявлено свободным в любые районы по выбору пересе-

ляющихся. Тамбовская губерния среди прочих по числу переселенцев занимала лидирующее положение. Пик миграции во время реформ пришелся на 1908 - 1909 гг. Общее число переселенцев составило 108 тыс. Наибольшее число дали Тамбовский, Усманский, Борисоглебский, Липецкий, Лебедянский и Козловский уезды. Основным местом поселения являлась Томская губерния, а на ее территории Алтай. В меньшей степени Восточная Сибирь и Дальний Восток. Пакетом нормативных актов для переселенцев предусматривалась система пособий и льгот: бесплатный проезд в приспособленном вагоне, медицинское обслуживание в пути следования, предоставление на льготных условиях кредитов и ссуд, оказание помощи в обустройстве на новом месте и пр. Процесс переселения осуществлялся в несколько этапов. На первом, создавались организованные группы ходоков, состоящие из глав домохозяйств. По месту выхода ходоки получали свидетельства, предоставляющие транспортные льготы, подтверждающие полномочия на действия от имени своей семьи либо сельского общества, товарищества. На новом месте переселенцы попадали в ведение чиновников переселенческих подрайонов, которые ведали хозяйственным

устройством переселенцев, выдачей им натуральных и денежных пособий, отмежеванием земельных участков переселенческим обществам и переселенческим семьям. При достижении договоренности между ходоком и местной администрацией к месту поселения выезжала семья.

Механизм переселения из Тамбова в Западную Сибирь рассмотрим на примере семьи прадеда автора - переселенца Якова Лазоревича Нечаева из Кочетовской слободы. Кочетовцы Нечаевы держались «на плаву» долго. Но общее экономическое ухудшение бывших однодворцев не обошло стороной и их. Сколько земли находилось во владении семьи Якова Лазоревича, до переселения, и как он ею распорядился не установлено. По семейным преданиям первый заезд Я.Л. Нечаев в Сибирь сделал в 1911 г. Под поселение семья выбрала поселок Тогул Кузнецкого уезда, однако остаться в нем по причинам многолюдства не решилась. Стремление однодворцев к некоторой изолированности можно объяснить закреплением в их сознании доставшейся от предков привычки – подбирать место поселения на принципах личного «прииска» и «испомещения». Вторая попытка закрепиться в Сибири была предпринята весной 1913 г. Как уже отмеча-

лось, чтобы воспользоваться переселенческими льготами переселенец должен был выйти из общины по прежнему месту приписки и получить паспорт. Паспорт сроком на год Якову 13 февраля выдал старшина Изосимовской волости Козловского уезда Хорошков. В документе указывалось, что его владелец «уволен в разные города и селения Российской Империи». Из чего следовало, что он мог выбирать место поселения по своему выбору. В паспорте было указано, что ему и его супруге Ирине Федоровне по 43 года. Оба православные. Рост Якова Лазоревича составлял 2 аршина четыре вершка (1 м. 60 см.). Русский, без особых примет. При нем находились: сыновья Матвей 11, Никита 9, дочь Любовь 2 лет. Старший сын Егор с женой Марией по 19 лет, с двухмесячной дочерью Анной. В отношении воинской повинности указано: «при нем Отец Лазарь 80 л.». По видимому, нахождение на иждивении престарелого отца от воинской службы освобождало. Возможно, паспорт по месту поселения изымался и хранился в ведомом переселенцами учреждении. Указанный вывод следует из пометки: паспорт на отца сын Яков обязался переслать через Кондомское волостное правление.

Выбор предков пал на переселенческий поселок Луговой, Кон-

домской волости, Кузнецкого уезда, Томской губернии. Выделенный в 1910 г. под поселение участок находился в ведении администрации Кузнецкого подрайона. Поселок располагался на берегу р. Антроп в административном приграничье с Бийским уездом той же губернии. По рельефу поселок напоминал Кочетовскую слободу, хотя и в меньших размерах. В пойме реки были заливные луга. Плоскогорье давало возможность распашки земель. Рядом находился лес. Население поселка представляли не только тамбовчане, но и выходцы из Пермской, Симбирской и прочих губерний, а предоставленные им «общинного пользования участки» находились в составе Луговского сельского общества.

Нормы наделения землями в Сибири в разное время были не одинаковыми. В период интенсивного заселения они составляли для сторожил 15 десятин на мужскую душу. Для переселенцев более поздних заездов норма могла быть и меньше. Например, в соседних поселениях Алтая средний земельный надел на мужскую душу составлял 13,3 дес., а лесных наделов только 0, 7 дес. вместо 3 дес. по закону [16]. Сведений о размерах земельного участка Нечаевых и прочих переселенцев не найдено. Скорее всего, в указанных

нормах были выдержаны и в Луговом. По семейным преданиям в пользовании семьи находились земли на одной из возвышенностей – «Нечаева грива».

По исследованиям сибирских ученых, в частности М.К. Чуркина, потомки однодворцев в Сибири свои отличительные от крестьян особенности, сохраняли достаточно долго [14]. По статистике средний срок обустройства переселенческой семьи составлял 5 - 6 лет. Официально семья Нечаевых была водворена по месту поселения в июле 1913 г. Время для посевов уже было упущено, однако, для переселенцев в таких случаях предусматривалось снабжение хлебом и зерном из государственных запасов. С какими средствами прибыли предки к новому месту жительства, неизвестно, но переселение в Сибирь было по плечу не каждому. Дальний путь даже при наличии государственной помощи требовал достатка не ниже среднего. Возможно средства на переселение обзаведение хозяйством были получены Кочетовке от продажи земли, двора, другого имущества. В Тамбовской губернии от продажи наделной земли в начале века семьи переселенцев в среднем получали 230 руб. [18]. По сообщению В.И. Чеславина в Козловском уезде стоимость земли была одной из самых

высоких в губернии. Сказывалось нахождение рядом железнодорожного узла [13, с. 194]. По сохранившимся преданиям перед переселением семья не бедствовала, хотя в паспорте прадеда социальное положение было указано пролетарское – «чернорабочий». Где и кем работал Я.Л. Нечаев достоверно не известно. Мог работать на железной дороге или в одной из экономий. С точки зрения наличия работников семья была обеспечена. Яков Лазоревич и Ирина Федоровна были еще в расцвете сил. Не отставали от них в работе Егор и его жена Мария. Как переселенец Егор имел отсрочку от призыва в армию. На подхвате были сыновья-подростки. Во дворе имелись четыре лошади, из которых одна для выездов, коровы и другая живность. Для сравнения: в Тамбовской губернии в этот период приходилось в среднем на крестьянский двор лошадей 1,1. Коров 1,5 голов [18]. Хорошая медоносная база располагала к занятию пчеловодством, которым Нечаевы занимались издавна. Планировалось строительство большого дома: был заготовлен лес и другие материалы. Семья стремилась к созданию хозяйства фермерского типа.

Одной из проблем являлось бездорожье. В весеннюю распутицу либо дождливую погоду волостное се-

ло Кондома, где находились больница, торговые точки, церковь становились для населения не доступными. Так, умерший в марте 1914 г. Лазарь Антонович Нечаев отпевался священником Терентием Каншиным заочно. В целом, хотя жизнь новоприбывших не была лишена трудностей, наличие рабочей силы в совокупности с предоставленными государством льготами открывали хорошие перспективы.

Положение переселенцев кардинально изменила начавшаяся мировая война, а затем революция. Во время связанных с коллективизацией репрессий семья была выселена из собственного дома (некоторое время ютилась в бане), а глава семьи Никита Яковлевич подвергался аресту и даже содержался в зимнее время под стражей в не отапливаемом помещении. После его освобождения семья бежала в поселок золотоискателей Спасск в Горной Шории.

В заключение можно отметить,

что принятые правительством меры по переселению оказались результативными. С 1906 по 1914 гг. в Сибирь мигрировало 3772,2 тыс. человек. Это было в два раза больше чем за предыдущие 20 лет [11]. Посевные площади в Сибири с 1905 по 1912 год выросли на 33%, поголовье скота на 23%. Накануне Первой мировой войны освоенные в Сибири земли давали стране около 100 млн. пуд. зерна. В несколько раз увеличился вывоз масла и т.д. Вместе с тем, в Тамбовской губернии переселение не смогло коренным образом разрядить обстановку даже к началу Первой мировой войны. Переселение в 1906-1914 гг. 100 тыс. крестьян составило всего лишь 3% от общей численности. Убывшее население было восполнено в течение двух лет [7, с. 94-118]. Для нормализации положения в губернии помимо отселения избыточной части населения требовались более глубокие преобразования.

Список литературы:

1. Благовещенский Н.А. Четвертное право. М., 1898.
2. Бунин Иван. Темные аллеи: Повести. Рассказы. М.: Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 608 с.
3. Владимиров В.И., Канищев В.В., Лазарев О.В, Силина И.Г., Токарев Н.В. Источники изучения переселения крестьян Тамбовской губернии в Алтайский округ во второй половине XIX – начале XX вв. (микроисторический уровень) // Историческая демография юга Западной Сибири. Интернет - ресурс. 11 октября 2007 г. 1424.
4. Зарубина А.В. Крестьянское землевладение в Козловском уезде Тамбовской губернии последней четверти XIX в. //Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2016. № 4

(08). С. 68-71.

5. Иванова-Малофеева Е.Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 3-х – середина 50-х гг. 19 в.). Тамбов: Тамбовск. гос. техн. ун-т, 2005. 196 с.

6. Канищев В.В. Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронта в конце XVII-первой половине XIX вв. (по материалам Тамбовской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018 Т. 45. № 2. С 318-325.

7. Кочуков С.К. ...И на тихом океане свой закончили поход (О переселении и переселенцах) // Тамбовский альманах. №15. Тамбов. 2017. С. 94-118.

8. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Том второй. СПб., 1903.

9. Токарев И.В. Адаптация тамбовских переселенцев в условиях сибирского фронта на рубеже XIX-XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. С. 126-128.

10. Трояновский К.В. Политика Российской империи в отношении беспоместной шляхты западных губерний. 1794-1870 гг. Диссертация ...канд. ист. наук. Санкт-Петербург. 2017. 238 с.

11. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

12. Федосов П.С. Линейное казачество в освоении степного Предкавказья в конце XIII- начале XX вв. Диссертация канд. ист. наук. Ставропольск. гос. ун-т. Ставрополь 2003.

13. Чеславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. Сборник государственных знаний. СПб. 1875. Т.2.

14. Чуркин М.К. Российские однодворцы в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в.: социально-экономический статус, сословная идентичность, миграционная мобильность // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 171-175.

15. Шмарин В.Н. Чересполостность в крестьянском землепользовании и землевладении Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX веков. Тамбов: Тамбовск. гос. техн. ун-т. 2005. 20 с.

16. Энциклопедия Алтайского края: В 2 т. Барнаул: Алт. кн. изд-во. 1995. Т.1. С. 128-129.

17. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Изд. канц. Тамбовской Духовной консистории под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов. 1922.

18. Канищев В.В., Лазарева О.В., Токарев Н.В. Правовые нормы землепользования крестьян – переселенцев и их применение в повседневной жизни. Тамбовская губерния. Конец XIX – начало XX в. // XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 24 – 28 сентября 2002 .

19. ГАТО. Ф. 12. Оп. 4. Кн. 325.

20. ПСЗРИ. Т. 7. № 5138.

21. ПСЗРИ. Т. 17. № 12659. Инструкция межевым губернским канцеляриям и провин-

циальным конторам. Гл. XIX. П. 17, 18, 19.

22. ПСЗРИ. Т. 25. № 18676.

23. ПСЗРИ. Т. 28. № 21422. С.60-61; Т.29. № 22534. С.1193-1195; Т.37. № 28296. С. 248-249.

24. РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2026. Тамбовская казенная палата. Ревизские сказки с. Кочетовки. 1858.

References

1. Blagoveshchenskij N.A. Chetvertnoe pravo. M., 1898.
2. Bunin Ivan. Temnye allei: Povesti. Rasskazy. M.: Izd-vo EKSMO-PRESS, 2000. 608 s.
3. Vladimirov V.I., Kanishchev V.V., Lazarev O.V, Silina I.G., Tokarev N.V. Istochniki izucheniya pereseleniya krest'yan Tambovskoj gubernii v Altajskij okrug vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (mikroistoricheskij uroven') // Istoricheskaya demografiya yuga Zapadnoj Sibiri. Internet - resurs. 11 oktyabrya 2007 g. 1424.
4. Zarubina A.V. Krest'yanskoe zemlevladienie v Kozlovskom uezde Tambovskoj gubernii poslednej chetverti XIX v. //Studencheskij elektronnyj zhurnal «StRIZH». 2016. № 4 (08). S. 68-71.
5. Ivanova-Malofeeva E.Yu. Reforma gosudarstvennoj derevni v Tambovskoj gubernii (seredina 3-h seredina 50-h gg. 19 v.). Tambov: Tambovsk. gos. tekhn. un-t, 2005. 196 s.
6. Kanishchev V.V. Preodolenie social'noj specifiki naseleniya yuzhnorusskogo fron-tira v konce XVII-pervoj polovine XIX vv. (po materialam Tambovskoj gubernii) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. 2018 T. 45. № 2. S 318-325.
7. Kochukov S.K. ...I na tihom okeane svoj zakonchili pohod (O pereselenii i pereselencah) // Tambovskij al'manah. №15. Tambov. 2017. S. 94-118.
8. Semevskij V.I. Krest'yane v carstvovanie imperatricy Ekateriny II. Tom vtoroj. SPb., 1903.
9. Tokarev I.V. Adaptaciya tambovskih pereselencev v usloviyah sibirskogo frontira na rubezhe XIX-XX vv. // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2013. S. 126-128.
10. Troyanovskij K.V. Politika Rossijskoj imperii v otnoshenii bespomestnoj shlyahy zapadnyh gubernij. 1794-1870 gg. Dissertaciya ...kand. ist. nauk. Sankt–Peterburg. 2017. 238 s.
11. Tyukavkin V.G. Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma. M., 2001.
12. Fedosov P.S. Linejnoe kazachestvo v osvoenii stepnogo Predkavkaz'ya v konce XIII-nachale XX vv. Dissertaciya kand. ist. nauk. Stavropol'sk. gos. un-t. Stavropol' 2003.
13. CHeslavskij V.I. Zemledel'cheskie othozhie promysly v svyazi s pereseleniem krest'yan. Sbornik gosudarstvennyh znaniy. SPb. 1875. T.2.
14. Churkin M.K. Rossijskie odnodvorcy v otechestvennoj istoriografii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: social'no-ekonomicheskij status, soslovnaya identichnost', migracionnaya mobil'nost' // Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 419. S. 171-175.

15. Shmarin V.N. Cherespolostnost' v krest'yanskom zemlepol'zovanii i zemlevladdenii Tambovskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vekov. Tambov: Tambovsk. gos. tekhn. un-t. 2005. 20 s.
16. Enciklopediya Altajskogo kraja: V 2 t. Barnaul: Alt. kn. izd-vo. 1995. T.1. S. 128-129.
17. Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoj eparhii. Izd. kanc. Tambovskoj Duhovnoj konsistorii pod red. A.E. Andrievskago. Tambov. 1922.
18. Kanishchev V.V., Lazareva O.V., Tokarev N.V. Pravovye normy zemlepol'zovaniya krest'yan – pereselencev i ih primenenie v povsednevnoj zhizni. Tambovskaya guberniya. Konec XIX – nachalo XX v. // XXVIII sessiya Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evro-py. Kaluga, 24 – 28 sentyabrya 2002 .
19. GATO. F. 12. Op. 4. Kn. 325.
20. PSZRI. T. 7. № 5138.
21. PSZRI. T. 17. № 12659. Instrukciya mezhevym gubernskim kancelyariyam i provincial'nym kontoram. Gl. XIX. P. 17, 18, 19.
22. PSZRI. T. 25. № 18676.
23. PSZRI. T. 28. № 21422. S.60-61; T.29. № 22534. S.1193-1195; T.37. № 28296. S. 248-249.
24. RGADA. F. 12. Op. 1. D. 2026. Tambovskaya kazennaya palata. Revizskie skazki s. Kochetovki. 1858.